

НАША СТРАНА

Год издания 77-й. Буэнос Айрес, 20 января 2025

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 20 de enero de 2025

No 3238

ОБАЯНИЕ РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

В образе старой России мне долгое время недоставало завершающего штриха. Некой ускользающей от внимания мелочи, сущего пустяка, без которого общая картина оставляла ощущение незавершённости.

Наконец, я обнаружил искомую деталь, в биографии русского офицера Филиппа Петровича Вайтенса.

В «Заметках о жизни Ахтырского Гусарского полка» времён Первой Мировой войны сообщалось:

«...Собравшись снова, Ахтырцы опять пошли в атаку и ещё раз, неся большие потери, отхлынули назад. Командир 5-го Эскадрона штабс-ротмистр Вайтенс вместе с казаками Уфимо-Самарского полка пошёл в третий раз в атаку. На этот раз атакующие добрались до опорного пункта противника на кладбище, пулеметы замолчали, прислуга их была взята в плен или перебита. В 9 часов Барятин был в русских руках. Следует отметить доблесть некоторых офицеров: во-первых, штабс-ротмистра Вайтенса; с веселой улыбкой, со стэкком в руке, напевая модную шансонетную песенку «Прощай, Лулу», он трижды бросался в кровопролитнейший бой.»

От этой подробности мне и не хватало. В кино вечно показывают русских, ходивших в атаку под какие-то марши и чуть ли не под “Боже, Царя храни”, а в реале штаб-ротмистр Вайтенс водил гусар и казаков на пулеметы, напевая “Прощай, Лулу”. Найти песенку оказалось не так просто.

Поисковик выдавал мне лишь фразу из письма Камилла Демулена его жене Люсиль, написанного накануне казни их обоих в 1794 году: “Прощай Лулу, моя жизнь, моя душа, моё земное божество “Прощай, Лулу”. Вот это и есть слова, которыми Историческая Россия простилась с миром. Задним числом Российскую Империю стали изображать или в похабно-карикатурном, или в пафосно-иконописном виде. В обоих случаях получалось нечто старомодное и застывшее во времени. Но в реальной жизни Россия была динамичной, модернистской, открытой миру страной. В начале XX века она стояла на пороге создания массового общества, и в ней уже появилась массовая культура. Это была страна Тэффи, Аверченко, Вертинского и Веры Холодной.

Около 1908 года знаменем времени стали театры-кабаре. В Петербурге к моменту революции их открылось до дюжины (последним оказался созданный в январе 1917 года “Би-Ба-Бо”). Одновременно в России начался бум кинематографа.

С 1908 по 1920 год было снято свыше двух с половиной тысяч отечественных фильмов (из них почти 500 - в 1916-м). Не так уж трудно догадаться, куда пришли бы русский социум и русская культура в случае сохранения естественного порядка вещей. Достаточно взглянуть на современный Запад и

вспомнить, что до 1917 года Россия была его органичной частью.

В XIX столетии цивилизованный мир почувствовал обаяние русской культуры. По-видимому, в XX веке русское воздействие только усилилось бы. Но для этого Россия должна была остаться сама собой. Советский Союз, бывший противоположностью России решительно во всём, не смог оказать на проходившие в мире культурные процессы почти никакого влияния. Советские персонажи в массовом сознании человечества практически отсутствуют, а сегодня мир выдумывает себе русских героев, вроде комиксовой Наташи Романовф, вообще без отечественного участия.

Современное культурное пространство организовано не по Евклиду, но по Лобачевскому.

Параллельные прямые в этом пространстве не просто пересекаются, они буквально переплетаются, образуя причудливые узоры, неразрывно связывающие миры классической литературы, массовой культуры, модных брендов, постмодернистских интеллектуальных игр, политической пропаганды и т. д. и т. п.

Имена героев увязываются с лицами исполнивших их роли актёров, а каждое узнаваемое лицо тянет за собой длинную цепочку ассоциаций (тут можно было бы сказать, что они превращаются из семантических знаков в семиотические символы, но мы обойдёмся без лишних сложностей).

Одри Хепбёрн, сыгравшая Наташу Ростову в “Войне и Мире”, снималась в “Завтраке у Тиффани” в костюмах от Живанши. Собственно, утончённый стиль графа Живанши получил известность именно благодаря этому фильму. В наше время лицом фирмы Живанши стала Лив Тайлер, знакомая всему миру как Арвен из “Властелина Колец”.

За два года до превращения в принцессу эльфов, Лив Тайлер побывала Татьяной в “Евгении Онегине”. Роль Онегина в этой экранизации исполнил Рэйф Файнс, в кино вечно играющий то графа Алмаши, то лорда Воланде-Морта, то Рамзеса II, а в жизни приходящийся прямым потомком королю Якову II Стюарту и кузеном в восьмом поколении нынешнему принцу Уэльскому.

Имена Наташи Ростовской, Татьяны Лариной и Евгения Онегина ассоциируются с лицами Одри Хепбёрн, Лив Тайлер и Рэйфа Файнса (а заодно - с Тиффани, Живанши и аристократией). Вот это и есть образ, унаследованный русскими от старой России.

Разумеется, речь идёт не только о перечисленных именах. Прежде, чем Историческая Россия сошла со сцены, русские буквально заполонили мировое культурное пространство своими князьями Андреем, дядями Ванями, Родионами Раскольниковыми,

реvisорами-самозванцами, всё восклицаящими “В Москву! В Москву!” сёстрами, дамами с собачками и господами с дуэльными пистолетами.

Граф Толстой не вкладывал в раскрутку своих персонажей никаких миллиардов. Он просто написал роман об одной женщине и двух её мужчинах, и его героиня стала культовой фигурой планетарного масштаба. Семь немецких переводов. Одиннадцать английских переводов. Тридцать экранизаций, включая одну египетскую. И это не считая японских *манга* на тему “Анна Каренина”. Для сравнения: даже о Супермене снято всего четырнадцать фильмов (правда, Супермену посвящено больше мультфильмов, чем Анне).

Я хотел, чтобы люди задумались, почему классические русские персонажи волнуют мир и через столетия после исчезновения прежней России, а советские были не очень интересны человечеству даже в ту пору, когда СССР контролировал полсвета. Хотя талантливых людей в Советском Союзе было сколько угодно, а пропаганде придавалось серьёзное значение.

В СССР были свои культурные коды, свои звёзды, свои *мемы*, свои герои. Но всё это, за несколькими редчайшими исключениями, оказалось пригодно только для внутреннего употребления.

На мой взгляд, причина проста. Советский образ жизни, советский образ мыслей, советская система отношений были настолько экзотичны (и это мягко сказано), что человек со стороны просто не мог понять ни тех ситуаций, в которые попадали советские герои, ни их действий в этих ситуациях.

Строго говоря, он не понимал даже смысла их слов. А если кто-то всё же вникал в советские реалии достаточно глубоко, чтобы разобраться, что к чему, его неизбежно охватывал ужас.

Василий Шукшин, человек гениальный, вместил и советское мышление, и советскую историю, и советский быт в одну реплику: “Страна производит электричество, паровозы, миллионы тонн чугуна. Люди напрягают все силы, люди буквально падают от напряжения, люди начинают даже заикаться от напряжения, покрываются морщинами на крайнем Севере и вынуждены вставлять себе золотые зубы. А как же иначе? Нужно!”

Этими словами добрым поселенцам морочит голову уголовник в кожаной куртке, органично имитирующий повадки сотрудника госбезопасности: “Ты Колчаку не служил в молодые годы? Ну-ка, в глаза мне, в глаза мне. В трудные годы колоски с колхозных полей воровал?”

Вся эта сцена великолепна (“И сколько сейчас дают за недоразумение?” - “Пять” - “Мало. Раньше больше давали”), но я осмелюсь предположить, что даже нынешняя русская молодёжь, не

говоря уже об иностранцах, вряд ли осознаёт, сколько изломанных судеб и оборванных жизней скрывается за каждым словом этого искромётного диалога, начиная с колхозных колосков.

Я не раз говорил, что если те, кого я обычно называю своими единомышленниками, предпочитают жить, смотреть на вещи и писать так, словно последних ста лет просто не было, то я стараюсь делать всё это так, будто Россия в означенное столетие прожила не чужую, а свою, т.е. не советскую, а русскую жизнь. Жизнь нормальной европейской страны. Естественно, советофилов, которых крочит от старой России и плющит от современного Запада, корёжит и от моих текстов.

Люди напрягают все силы, повторяя: “Хруст французской булки”, люди буквально падают от напряжения, повторяя: “Хруст французской булки”, люди начинают даже заикаться от напряжения, повторяя: “Хруст французской булки”. Не удивлюсь, если некоторые из них уже покрывались морщинами и были вынуждены вставить себе золотые зубы.

Интересно, они действительно не понимают, какие цепочки ассоциаций тянутся за словами французская булка? Это ведь штука посильнее колхозных колосков. Французская булка была официально переименована в городскую где-то в конце сороковых годов. В ту пору переименовывали массу вещей. Голкиперы стали вратарями, кафе “Норд” - “Севером”, салат оливье - столичным, и даже эскимо одно время было мороженым пионер. Но символом эпохи борьбы с космополитизмом стало именно превращение французской булки в городскую.

Позднесталинскую борьбу с космополитизмом обычно описывают крайне однобоко, как сугубо антисемитскую кампанию. Споры нет, евреи от неё пострадали, и довольно сильно. Но я не вижу причин рассматривать трагические судьбы еврейских врачей, еврейских физиков или еврейских театральных критиков в отрыве от всего остального, что происходило тогда в стране.

Антисемитизм всегда был уделом людей не слишком умных, а уж после 1945 года выставление кого-либо антисемитом стало диффамацией в чистом виде. Русских пытались скомпрометировать, приписывая им антисемитизм.

Между тем в советской науке триумфовало явное шарлатанство. Я имею в виду не только торжество Лысенко в биологии и объявление генетики лженаукой. В истории воцарился мегаломанский бред с доказыванием русского приоритета везде и во всём, вроде утверждений, что некий подъячий создал воздушный шар за полвека до братьев Монгольфье.

Хуже того, начало отрицаться само существование понятия

“мировая наука”. То есть русских решили выставить ещё и дикарями-изоляционистами.

Впрочем, советский изоляционизм был избирателен. Массированная антизападная пропаганда велась на фоне теснейшего сотрудничества с Красным Китаем.

И одновременно русских в очередной раз начали убивать. 1949-1950 годы, Ленинградское дело. Свыше двухсот осуждённых, двадцать три из них приговорены к расстрелу. После войны смертная казнь в СССР была отменена, и её восстановили специально ради них (по просьбам трудящихся, как же иначе). Общее количество репрессированных по этому делу, включая уволенных с работы, исключённых из партии, пониженных в звании и т. д. - не менее двух тысяч человек.

Среди них не было никого из бывших, никого дворянского происхождения, никого с неправильным по советским меркам прошлым - белогвардейским, эсеровским или троцкистским.

Все - выходцы из самых низов, из рабочих и крестьянских семей. То есть люди, ради которых, если верить любителям *мема* “хруст французской булки”, и делалась революция.

Все принадлежали к первому поколению, повзрослевшему при советской власти (в момент осуждения они были в возрасте 42-48 лет). Все безоговорочно приняли большевизм и сделали карьеру как большевики. Все доказали свою верность режиму и в мирное время, и во время войны. Все так или иначе были связаны с Ленинградом и его обороной.

Наиболее высокопоставленный из них, член Политбюро ЦК ВКП(б) и председатель Госплана СССР Николай Вознесенский, считался любимцем Сталина и даже рассматривался, как его возможный преемник.

Выдвинутые против них обвинения носили подчёркнуто абсурдный характер. “Самовольно организовали межрегиональную ярмарку неликвидных товаров” (хотя эти люди не делали самовольно ничего и никогда). “Составили антипартийную группу” (хотя понять, в чём же заключалась её антипартийность, невозможно до сих пор). Если против кого-то выдвигались индивидуальные обвинения, абсурд только возрастал.

Например, сказали, что второй секретарь ленинградского горкома Яков Капустин - английский шпион. Доказательств не было никаких, но это не имело значения. Тут же объяснили, что доказательства вины Капустина уничтожил генерал Пётр Кубаткин, после войны какое-то время возглавлявший службу внешней разведки госбезопасности СССР. В итоге расстреляли обоих - и Капустина, и Кубаткина.

Генерал Николай Соловьёв, Первый секретарь Крымского обкома ВКП(б), во время войны стал организатором Дороги Жизни, по которой осуществлялось снабжение блокадного Ленинграда, за что и был награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова второй степени и орденом Отечественной войны первой степени. Расстрелян 1 октября 1950 года. А как же иначе? Нужно!

Впрочем, были и не вполне официальные обвинения. Вроде бы фигуранты Ленинградского дела хотели совершить страшное - создать компартию РСФСР и

сделать Ленинград российской столицей, т. е. поднять статус России на один уровень со статусом других союзных республик.

Кажется, кто-то из них преступно обмолвился, что нельзя же до бесконечности содержать эти республики за счёт российских дотаций. Предполагается, что у них были совсем уж злодейские по советским меркам планы - увеличить производство потребительских товаров и поднять уровень жизни русских областей до уровня жизни союзных республик.

В общем, это были единственные в истории СССР политические деятели, которые, будучи до мозга костей советскими, одновременно пытались оставаться хоть немного русскими. Эти простые люди из рабочихикрестьянских семей просто не поняли, с кем спутались и во что ввязались. Естественно, их убили.

Борьбу с космополитизмом, в рамках которой французская булка превратилась в городскую, начал Жданов. Он тут же умер при не вполне ясных обстоятельствах, его смерть повесили на еврейских врачей, евреев начали преследовать, одновременно уничтожили ждановских русских выдвинутцев (ленинградская группировка считалась ждановской).

Осуждённых по Ленинградскому делу в виду их явной невиновности реабилитировали уже в 1954 году, не дожидаясь антисталинского выступления Хрущёва. Заодно расстреляли тех, кто расстрелял их.

Так выглядит узел советской истории, к которому тянется ассоциативная нить от глупейшего мема “хруст французской булки”. В СССР французские булки не хрустели, в СССР хрустели русские черепа.

Я всегда хотел, чтобы советское наваждение рассеялось, как дурной сон. И чтобы русские вернулись во всемирную историю на той же ноте, на которой покинули её - сказав советским “Прощай, Лулу”. Мне приходится желать этого и по прошествии десятилетий от падения советской власти.

Однако советская трагедия пародийно воспроизводится в виде постсоветского фарса. Россия по-прежнему субсидирует бывшие союзные республики, включая те из них, которые считают себя находящимися в состоянии войны с Россией.

Статус русских областей внутри Российской Федерации до сих пор не равен статусу национальных республик. Шарлатанство в гуманитарных науках достигает фоменковско-левашовского уровня. Антизападная пропаганда доходит до истерики. Стремление РФ дружить с Китаем принимает такие формы, что вызывает неловкость.

Штаб-ротмистр Ахтырского Гусарского полка Филипп Вайтенс пережил Гражданскую войну и умер своей смертью в Брюсселе в 1958 году. Исполнитель песенки “Прощай, Лулу” Александр Сабинин остался в СССР и в 1930 году покончил с собой. По одной из легенд - прямо на сцене.

А песенку его я всё-таки нашёл. В записи 1911 года. Оказалось, на самом деле она называется “Прощай, Люлю”. Чтобы сегодня кто-нибудь стал слушать эту вещь, она нуждается как минимум в новой аранжировке. Музыкальные вкусы за истекшие сто лет существенно изменились. Сегодня русские поют совсем по-другому.

Б. Моравин

Сменовеховство как военная хитрость

Подобно тому, как одним из главных критериев церковности христианина является согласие его со Святой Церковью во всех перипетиях споров, которые Святая Церковь вела, отстаивая евангельскую веру против её скрытых и явных неблагожелателей, та же и критерием национальной идентичности, например, критерием принадлежности к русскому народу, помимо крови, является духовное единство с ним во всех войнах и конфликтах, которые вёл русский народ как единая этнокультурная общность на протяжении всей своей истории.

В двадцатом веке главным образом против новой многонациональной общности советского народа, а после 1945-ого года - против народов коммунистического блока и левых тоталитарных режимов. Члены РПЦ поступали в американскую армию воевать против богоборцев во Вьетнаме, Африке, Корее и во многих других странах и областях на разных континентах земли - сведения об этом содержатся в мемуарах и личных свидетельствах множества выдающихся людей русского церковного Зарубежья.

Точек соприкосновения в крупных исторических этно-религиозных конфликтах нет как в церковности, так и в национальной идентичности, особенно в эпоху гонений, войны и смуты, когда и идеи и этносы максимально поляризуются и друг другу противостоят. Святая Церковь, столкнувшись с арианством, насчитала восемнадцать разновидностей одного учения.

Это, однако, не означало, что Она признавала "полуарианство" или "четвертьарианство" чем-то существенно лучшим или более близким к Православию, чем его изначальный родительский вероисповедный тип. Точно так же и войнах, связанных с этнической идентичностью - "полурусских" или "частично русских", "в чём-то русских" не бывает.

Серьёзная масштабная война и/или религиозный спор чётко выстраивает суть противоречия, кристаллизуется вокруг него, давая эссенциальные начала для разделения носителей одной идентичности от носителей другой. Именно поэтому Русская Зарубежная Церковь в 1953-ем году осудила учение сменовеховцев, которые настаивали на смешении понятий русского и советского народов, русской и советской истории. По сути оное смешение, будучи перенесено, например, на почву сугубо религиозного спора, в чём-то подобно полуарианству, смешению одной (православной) идентичности и с другой, а в ходе военных действий носителей одной идеи, одной идентичности против другой, есть вообще по сути национальное предательство.

После войны учение сменовеховцев завлекло в СССР десятки тысяч русских людей,

которые все поголовно были затем в СССР истреблены.

Иными словами, идеи сменовеховства, щедро финансировавшиеся за рубежом внутри русской эмиграции специальными службами советской власти, о чём ныне свидетельствуют десятки историков-архивистов, нужно рассматривать как военную хитрость СССР. Точно также и "полуарианство" часто существовало как военная хитрость твердых ариан, а когда арианство побеждало в тех или иных уголках Империи, оное "полуарианство" превращалось сразу же в арианство полноценное, раскрывая тем самым тактический характер своего временного "полу" бытия.

Итак, если главным критерием церковности является согласие со Святой Церковью, то главным критерием принадлежности к русскому народу является согласие с русскими людьми в их войне против уничтожения русской национальной и религиозной идентичности - период 1917-1921-ого годов и период 1941-1945 гг. И не зря Русская Церковь благословляла русский народ на ведение обоих этих национально-освободительных и религиозных войн. (благословение Святым Патриархом Тихоном "Белого Движения", анафема на так называемую "Советскую Власть"). Русским является тот, кто согласен с русским народом, разделяет его исторический жребий и его поражение в Первой Гражданской и во Второй Мировой и не считает, что русская история прервалась в 1917-ом или 1945-ом году. И кто готов по зову Русской Церкви участвовать в третьей войне, когда/если Господь попустит её ради отделения носителей русского этно-культурного сознания и подлинных христиан от новых фарисеев и служителей советского богоборческого культа тьмы.

Кстати говоря, упреждая обвинения в ригоризме, замечу, что статья единым с миллионами русских людей, умученных за православную веру и борьбу против советизма прочею, чем кажется. Достаточно признать историю Русского Освободительного Движения, при всех её внутренних противоречиях, подлинно своей, а историю русско-говорящих комиссаров и красноармейцев - чужой. Точно также и ариану, чтобы стать православным, достаточно всего лишь отречься от своей раскольничьей истории и религиозной идентичности, анафематствовать свои лжеучения и своих учителей. И припасть с покаянием ко Святой Церкви.

И, если это постепенно делают миллионы, тогда не понадобится никакой новой войны, ибо исторические идолы богоборцев и их же квазирелигиозный хребет разрушатся и уйдут в небытие сами собой.

А. Григорьев

ВИНОВАТ ЛИ РУССКИЙ НАРОД И РУССКИЙ СТРОЙ?

Получается, и народ плох, с присущими ему пугачёвщиной и «русским» коммунизмом, и государство российское плохо, так как открыло шлюз этому самому коммунизму – причём, начиная с осени 1917 года.

Позвольте не согласиться, со всем в целом и с некоторыми частностями. В целом: катастрофа российская не в русском народе зародилась, а была срежиссована и организована внешними силами, была подготовлена идеями и профинансирована деньгами, никак не из русского народа исходившими, и эти внешние силы начали действовать отнюдь не после октября 1917 года, а за полвека до того.

Современная политология говорит, что для организации успешной революции её организаторам достаточно поддержка трёх процентов населения. Остальные 97 процентов – инертная масса, которая следует за этими тремя процентами под страхом репрессий. Организаторам нужно проводить пропаганду для вербовки этих трёх процентов и создавать вооруженные отряды для захвата власти и для репрессий против тех, кто не с ними – кто осмелится проявить отсутствие поддержки революции. А потом утвердится версия, против которой никто не осмелится публично возразить, что эти 3% на самом деле – весь народ.

Российские (антирусские) революционеры пришли к власти после долгой, кропотливой подпольной работы. Они вели агитацию листовками, брошюрами, пропагандировали революционную идеологию в кружках, устраивали террористические акты – расстреливали, взрывали бомбы.

Народнический этап очень наглядно показал, что русский народ абсолютно невосприимчив к революционной пропаганде:

«хождение в народ» потерпело сокрушительное фиаско.

Оказалось, как выяснили народовольцы, что в русском народе нет никакого духа пугачёвщины. Тогда они перешли к террору.

Носителями революционной идеологии и террористами была очень малочисленная группа интеллигенции. Все их социалистические воззрения и сама идеология политического террора были импортными и русскому народу чуждыми.

Большевицкая революция, победившая в октябре 1917 года, это отнюдь не акт русского народа, якобы выплеснувшего наружу присущий ему дух пугачёвщины.

Это кровавое насилие над русским народом, организованное малочисленной группой. Другой группой, не народовольцами, а так называемыми социал-демократами, наследниками народолюбцев. Они усовершенствовали как идеологию, взяв на вооружение марксизм (как всегда, импортный!), так и метод, направив свою пропаганду более избирательно, нацелив её на наиболее слабое звено в народе – рабочих и солдат, тех, кто оторван от своих корней, миноритарную прослойку, но наиболее свободную, деклассированную, лишённую собственности, с дополнительным бонусом для их революционных планов, состоящим в том, что солдаты вооружены и имеют опыт применения оружия. Ну и разные сепаратистски настроенные национальные меньшинства. В сумме те самые три процента.

Другое важное отличие второго этапа от народолюбческого – это многократное увеличение финансирования из зарубежных источников. Если народолюбцы добывали деньги сами, не гнушаясь грабежами, то социал-демократов финансировали

зарубежные организации, партии и правительства. Так например: из книги участника событий Циллиакуса, одного из руководителей Финляндской Партии Активного Сопrotивления, во время Русско-Японской войны в начале октября 1904 года в Париже состоялась конференция «оппозиционных партий», в которой приняли участие восемь организаций: социал-революционеры, русские конституционалисты, польские социалисты, латышская СДРП, грузинские социал-революционные федералисты, польская лига народов, Финляндская Партия Активного Сопrotивления и армянские социалисты – Дашнакцутюн. В ней участвовал и небезывестный «конституционный демократ» Павел Милюков – под псевдонимом Александров.

На конференции была поставлена задача свержение монархии в России и обсуждались практические мероприятия по достижению этой цели. Главным элементом стратегии было добиваться поражения России в оборонительной войне с Японией.

В частности была задумана та самая провокация, которая состоялась 9 января («кровавое воскресенье») и которая привела к началу так называемой первой русской революции 1905-1907 гг.

Циллиакус лично инструктировал поа-провокатора Гапона перед 9 января. Он же снабжал оружием польских и русских революционеров, возил в Россию пропагандную литературу на своей 20-метровой яхте, специально построенной для этой цели; выступал в роли связного между российскими революционерами и японским военным аташе полковником Мотодзиро Акаши.

Совместно с Акаши разработал план финансирования деятельности

русской оппозиции. Получал от японцев крупные суммы денег на подрывную работу в России.

В 1905 году страна была залита морем пропагандных материалов, брошюр, которые разбрасывались сотнями бесплатно на фабриках, вокзалах, в поездах перевозивших военных, на всём протяжении железных дорог Сибири. Авторы брошюр – Лассаль, Бебель, Маркс, Энгельс, Лафарг, Гед, Дестре, Шиппель, Менгер, Браке, Пернерстофер...

Про зарубежное финансирование германского шпиона Ленина только ленивый не знает. И задачи те же: разрушить монархию, добиться поражения России и выхода из войны. Чтобы дать идею о масштабах: сразу после приезда Ленина в Петроград в апреле 1917 года большевики купили типографию, расположенную на Суворовском проспекте в Петрограде, за 250 тысяч рублей, эквивалент 12,5 миллионов долларов на нынешние деньги.

Главным отмывочным пунктом иностранных субсидий большевикам был шведский банк Nya Banken, чей владелец Улоф Ашберг после захвата власти большевиками стал главным подручным Ленина по вывозу награбленных ценностей, конфискованных активов частных банков и царского золотого запаса за рубеж; эти средства шли на финансирование мировой революции и закупку оружия.

Читайте книгу «Русская революция. Новая история» Шона Макмикина, в которой автор скрупулезно собирает данные о финансировании большевиков. Государство виновато, не поставило заслон пугачёвщине? Так же и франки виноваты в том, что не поставили заслон гуннам.

К. Воскресенская

МЫСЛИ КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРА

ИУДИН ГРЕХ

Покаяться может кто угодно, хотя Иуде это было сложнее, чем другим – потому и выделяется иудин грех из всех прочих грехов. Сергианство это именно *иудин грех* по отношению к сотням тысяч православных, объявленным митрополитом Сергием Страгородским «политическими преступниками» – «преступником» считали Христа и те, кто Иуде заплатил.

Платой за предательство Сергия Страгородского была его и его близких сохранённая и относительно благополучная жизнь.

Посему подлинного осуждения сергианства стоит ждать не раньше чем через два-три поколения – когда полностью уйдут со всех ключевых постов люди, причастные, вроде нынешнего патриарха Кирилла Гундяева и всего его Синода, к иудину греху. И когда уйдут их прямые дети и ученики.

Осуждение сергианства будет неразрывно связано с анафемой на конкретных людей, десятков и сотен деятелей и творцов чёрной сергианской истории.

Сергианство это не какая-то абстрактная историческая «политика», а *иудин грех* (конкретно – многодесятилетняя и обоснованная «научно» и вероучительно практикой предательства православных христиан со стороны не православных

христиан в пасть Зверю с целью собственного выживания).

Эта отлаженная машина работала и в 30-е годы, и в 40-е, и в 50-е, и в 60-е, и в 70-е, и в 80-е годы. Она сформировала новый «христианский» вид. И вот пока этот вид эволюционно или революционно не уступит место другому виду (а практичнее предполагать сочетание «эволюции» и «революции», ведь именно это сочетание мы чаще всего наблюдаем в истории при смене крупных исторических традиций), никакого «осуждения сергианства» не будет.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Московская Патриархия – церковь политическая, созданная и ангажированная политическим заказом. Русская Православная Церковь Заграницей – Церковь Христова, в которой иная культура речи, иной тип ментальности, иные нравственные стандарты и, главное, совершенно никакой «политики».

Патриархия всегда обвиняла Русскую Зарубежную Церковь в «политичности», то есть в своих собственных грехах, но если мы возьмём статьи иерархов РПЦЗ из старых зарубежных журналов и положим их рядом с текстами архиереев Московской Патриархии из «Журнала Московской Патриархии», мы увидим, где «политика», а где – церковность.

ГЕОПОЛИТИКА МП

Современное сознание в МП и принадлежащей ей лавровской части РПЦЗ глубоко геополитично. Ещё с 1927-ого года основной костяк МП воспринял главные импланты митрополита Сергия Старгородского and Co, согласно которым мир в сознании множества христиан начал делиться на «наших» и «не наших» не по близости тех или иных групп людей к православию, а совсем по другим – геополитическим – критериям.

Частью этой доктрины стали идеи о том, что богорбцы есть на самом деле такие «удерживающие», временно охраняющие территорию бывшей Российской Империи от «тлетворного влияния Запада». И, как бы они не были плохи, они всё же лучше, чем «сатанинский мир вокруг СССР». Эти идеи развивались и в СССР, и в Зарубежье, хотя и были осуждены Зарубежной Церковью в 1953-ем году специальным решением Зарубежного Синода.

КЛАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

В Московской Патриархии оно в большей или меньшей степени (у патриотического крыла – в большей, у либерального – в меньшей) присутствует везде.

Если бы не было других видовых особенностей, то по отсутствию или присутствию одного только

«классового сознания» можно было бы отличить православных из Катакомбной Церкви и Московской Патриархии. Причём неприязнь к высшим сословиям имеется в Патриархии только в отношении русского дворянства и государственных элит Российской Империи. Что же касается элит РФ, то независимо от того, русские и верующие они или совсем наоборот, отрицательное или положительное отношение к ним проистекает только по принципу «делятся финансами и имуществом» или нет.

ПОДМЕНА ПОНЯТИЙ

Природа современного информационного мира ясно показывает как за одними смыслами стоят совершенно другие, под них мимикрирующие. Есть целая серия подмен понятий и умелое манипулирование сознанием.

И нам необходимо учиться на своих ошибках, ибо в противном случае в ближайшем будущем, которое, возможно, станет временем разворачивания событий, предсказанных в Откровении Иоанна Богослова, нас ждёт нечто ещё более любопытное.

Все христиане, независимо от того, когда начнутся события конца, сроки которых знает только Господь, должны быть к ним готовы.

А. Рейнеке

НЕЗАУРЯДНЫЕ СОТРУДНИКИ «НАШЕЙ СТРАНЫ»

ПЕРВОПОХОДНИК, ИЛЛЮСТРАТОР, РЕДАКТОР, ПУБЛИЦИСТ

Анатолий Григорьевич Стенрос-Макриди - в 1917 году кадет Первого Московского Кадетского Корпуса.

В воспоминаниях рассказывал, как получил первое ранение в рядах антибольшевистского партизанского отряда Эмануила Семилетова.

В 1918 кадетом 6-го класса, стал участником Первого Кубанского «Ледяного» похода, где был ранен и по инвалидности демобилизован. На Гражданской войне он также перенёс сыпной тиф.

В 1920—30-е годы Анатолий Макриди работал художником и фотографом в Москве, в частности, делал шаржевые иллюстрации к одной из книг капитана 1-го ранга Николая Аврамова. В начале 1930-х годов в качестве художника был в составе четырёхмесячной полярной экспедиции в районе Югорского Шара.

В 1941 году из патристическо-антикоммунистических побуждений перешёл на сторону немцев в период битвы за Москву - со всей семьей намеренно остался в оккупированном подмосковном дачном поселке.

До этого, оставшись поневеле в Советском Союзе, Анатолий Григорьевич, конечно, скрывал своё участие в Гражданской войне и выбрал политически и идеологически нейтральную профессию иллюстратора, используя свой талант к рисованию.

Жена его была племянницей белого генерала М. Г. Дроздовского. Их дочери Кире в то время было одиннадцать лет. Оба они, живя в СССР, ежедневно боялись ареста, а потому решили официально не вступать в брак, чтобы в случае ареста кого-нибудь одного из них - второй мог позаботиться о ребёнке. Они поженились уже в Риге.

Когда началась война, они были на даче к западу от Москвы, и сознательно остались там, ожидать немцев. Их дачное местечко было быстро оккупировано, и немецкие части двинулись дальше.

Через непродолжительное время Анатолий Макриди подключился к антикоммунистической пропагандной работе, но указывал на недостатки немецких агитационных материалов, например, листовку «Бей жида-

политрука, морда просит кирпича».

В марте 1942 с отступлением немцев переехал в Ригу, начал работать под псевдонимом «Стенрос» в штате антикоммунистической газеты «За Родину» отдела пропаганды штаба «Норд» Вермахта, рисовал карикатуры, работал журналистом.

В этом же году пишет книгу «Заря взошла на Западе», (92 страницы с рисунками автора). Некоторые её главы публикуются в газете «За Родину». В 1943 публиковался в русских антикоммунистических газетах, например, в газете Владимира Деспотули «Новое Слово», в газете «Новый Путь» и «За Родину». С января 1944 — редактор русской антикоммунистической газеты «За Родину».

В октябре 1944 с отступающими немцами эвакуируется с семьей в Германию, живёт в Берлине, где лично знакомится с Владимиром Деспотули, переписывается с сотрудником газеты «Речь» Владимиром Самариным.

С 1945 года находится в английской зоне оккупации, где занимается общественной деятельностью, например, разоблачая ставших ему известных советских агентов. Затем эмигрировал в Австралию.

В 1963 прекратил общественную деятельность и вышел из монархических организаций, но оставался монархистом и непримиримым врагом советской власти.

Мотивы сотрудничества с немцами Анатолий Макриди объяснял своим русским патриотизмом. Он причислял себя к русским националистам и писал Д. М. Панину-Сологдину:

«В книге я нахожу много радующих меня, совпадением с моими, мыслей. Например, Вы утверждаете, что бояться гитлеровской помощи нам (националистам) было бы нечего, если бы Гитлер был способен понять все выгоды такой помощи для Германии. Именно на этой мысли и основывалась моя „коллаборация“. Да моя ли одна? Мне кажется, все плохо названные „коллаборанты“, не искавшие личных выгод, рассуждали одинаково: с любой немецкой оккупацией после войны мы бы справились, даже без особого труда, в течение нескольких лет, а с большевизмом не справились до сих пор, не справимся никогда».

Идейному русскому патриоту Макриди принадлежит также следующее высказывание: «Идейная любовь — такая же нелепость, как и идейная ненависть; духовное мошенничество, подделка, иногда очень ловкая».

В своей жизни Анатолий Макриди выделял два ярких периода и вспоминал некоторые подробности, определяя свою деятельность, как антисоветскую:

«Куда делся Эйзенбаум? Этот человек был свидетелем двух самых продуктивных периодов моей жизни: моего участия в Первом Походе и моё редактирование антикоммунистической газеты «За Родину», которую по свободной подписке я поднял с 60.000 до 200.000 экземпляров. Правда, для этого приходилось сидеть в редакции ежедневно и еженощно до 4-х, а днём не было время пообедать и мать приносила обед в редакцию, прямо в кабинет и заявляла, что не уйдет, пока я не освобожу посуду. Потом я узнал, что в заговоре участвовала

секретарша, которая никого не пускала ко мне, пока я наскоро глотал домашнюю стряпню. Время было военное, голодное и ни о каких редакционных буфетах не могло быть и речи. По примеру советских газет, я завёл „отдел писем“, едва ли не самый трудоемкий. Писем была бездна, по преимуществу ругательных, анонимных, но позволявших видеть, насколько удачна была антисоветская пропаганда. Целая полка в шкафу была наполнена ругательствами и угрозами по моему личному адресу».

По оценке антикоммунистки Лидии Осиповой (настоящее имя Олимпиада Георгиевна Полякова), которая являлась сотрудницей редакции газеты «За Свободу», Стенрос «не профессионал..., но журналистическая и редакторская хватка у него есть».

Написанная и проиллюстрированная Стенросом в 1942 году антисоветская книга «Заря взошла на Западе» распространялась в 1943 по библиотекам оккупированной России, была высоко оценена генералом Петром Красновым и раскритикована Ильёй Эренбургом на страницах газеты «Правда».

«Публицист Борис Филистинский („Борис Филиппов“) хвалил книжку Макриди-Стенроса и ставил её в один ряд с книгами Ивана Солоневича. Газета «За Родину», анонсом, публиковала избранные главы книги, содержание которой соответствовало общим установкам для русских антикоммунистических периодических изданий на оккупированной территории СССР в годы советско-германской войны, например, концепции о превентивном ударе побольшевикам:

«Можно смело сказать, что ни одна страна в мире, за всю историю земли, не готовилась к войне так жертвенно и столь бездарно, как СССР. Его превратили в гигантский военный завод, десять лет днём и ночью, как неугасимая лампада, коптивший пред лживым ликом «обороны». Этим именем Сталин окрестил скрытую идею вооруженного нападения на Германию. Расчёт был прост и ясен: нужно выжать из страны всё для победы над Германией, а этого заодно достаточно для овладения всей Европой. Большевики, привыкшие даже расстреливать исподтишка, в затылок, решили выждать случай, когда на Германию удастся напасть сзади, поэтому, в меру дипломатических талантов, из кожи лезли, чтобы убедить всех на свете в своих мирных побуждениях, а грандиозное вооружение старались изобразить, как вынужденное, в целях самообороны. В подтверждение этого большевики, не теряя лишнего времени, кинулись на Финляндию, но получив по зубам, обратили свой ищущий взор на менее предусмотрительных соседей. Десять лет в России шла подготовка к войне по линиям: материального вооружения, идеологического воспитания народа и политике — административных мер. Результаты первого выразились в самой крупной армии на земле и огромном накоплении вооружения и припасов. Второго — в убеждении народа, что «фашисты» злейшие враги человечества вообще и русских, — в особенности. Третьего — в арестах, расстрелах и ссылке десятков миллионов людей,

заподозренных в том, что они недостаточно убеждены во втором».

В эмиграции Анатолий Макриди постоянно сотрудничал в «Нашей Стране», после заболевания в 1981 году переписывался с Александром Солженицыным. В одном из публицистических текстов, на статью Макриди в «Нашей Стране», ссылается писатель Григорий Климов. «Наша Страна» всегда чтит память Макриди, он был её многолетним автором и другом издания. На страницах газеты, её редактор Николай Казанцев публиковал статьи и воспоминания Анатолия Макриди.

Макриди-Стенрос опубликовал некоторую часть воспоминаний и в журнале «Возрождение». В годы эмиграции жил в Австралии, где и скончался в 1981 году.

Отец — Г. С. Макриди, музыкант. Мать — Агда Ивановна Стенрос-Макриди, в 1903 году закончила Московскую консерваторию им. Чайковского с золотой медалью.

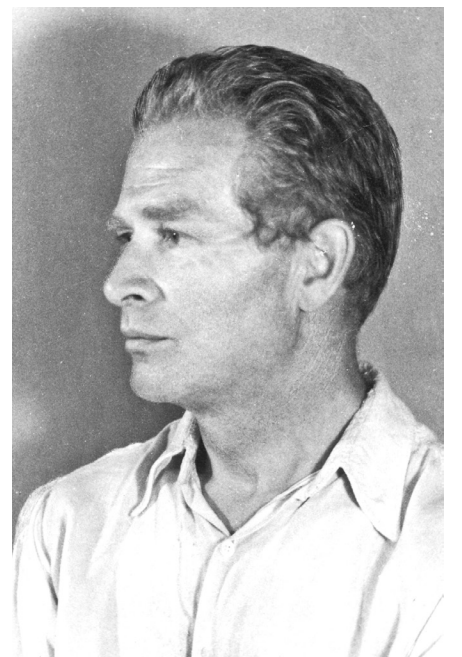
Проживала с семьей в Москве, давала уроки музыки, арендовала квартиру в доходном доме А. А. Волоцкой в Большом Козихинском переулке. Агда Стенрос умерла в 1963 году, в Сиднее. По поводу смерти матери Анатолий Макриди получил соболезнование от Правления и членов Общества Первопоходников в Калифорнии. Брат матери (дядя А. Г. Стенрос-Макриди) - Ламберт Иванович Стенрос, был инженером — технологом, управляющим нефтяными промыслами Гурьевского общества «Нобель».

Жена, Татьяна Николаевна Дроздовская, вышла замуж за Анатолия Григорьевича Макриди в оккупированной немцами Риге и работала в его же газете «За Родину» секретаршей. Дети — Кира (старшая дочь 1933 года рождения) и в 1945 году родились двойняшки.

В 1981 Макриди заболел раком. Н. Л. Казанцев, переписывающийся с Солженицыным, попросил писателя о помощи. В письме от 22.9.81 Макриди писал Казанцеву: «Вчера получил от Солженицына рецепт чаги с коротким обращением ко мне лично. Повидимому, так много людей обращаются за помощью, что он заготовил запас листовок. В приписке он сообщает, что высылает инструкцию по просьбе Н. Л. Казанцева, но выражает сомнение в том, что мне удастся найти берёзу в Австралии. Закончил так: «Читал Вашу статью о крепостном праве и другие».

Увы, чага не помогла...

Е. Фокин

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18.9.1948 Иваном Лукьяновичем Солоневичем. Редактор: Николай Леонидович Казанцев.

NUESTRO PAIS. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Мы имеем право сокращать, не извращая смысла, полученные материалы. Телефон редактора: (54-9-11) 5485-2306. Э-адрес: kasanzew@gmail.com Мнения авторов не всегда выражают таковое газеты. При перепечатке ссылка обязательна. Сайт газеты: <https://nashastrana.net>